

К Р О К О Д И Л

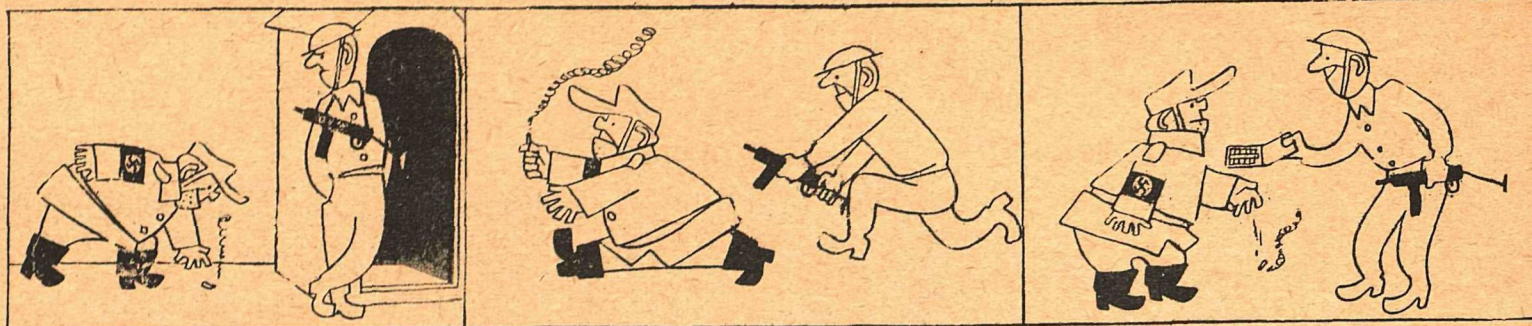

Рис. М. ЧЕРЕМНЫХ

НЕ СХОДЯ С МЕСТА

— Вот, кстати, я у тебя, тётка, яблоки и заготовлю! Больно уж не хочется на заготовки в село ехать!

ДЕНАЦИФИКАЦИЯ ПО-АНГЛИЙСКИ

— Попробуй только взять мой окурок!..

...Я тебе дам...

...целую папиросу!

(Из хорватского юмористического журнала «Керемпук»)

ЕЩЕ РАЗ К ВОПРОСУ О ГЛАВНОМ И ВТОРОСТЕПЕННОМ

ЗНАЕТЕ ли вы, что такое Чухчерема? А о Проконии Кукине что-нибудь слышали?

Чухчерема — это небольшое село в Архангельской области. Славится оно тем, что живут в нём хорошие люди и среди них находящийся в бессрочном отпуске гвардеец Проконий Кукин.

Рассказывают, что чуть ли не на второй день по возвращении из армии Кукин подошёл к заколоченному клубу и начал отдирать с окон доски. К нему подошли сельские руководители и начали задухновенный разговор:

— Что это вы, Проша, делаете? Силу пробуете?

— Нет, клуб проветрить хочу. Очень уж воздух в нём застоился.

— Желаем вам, Проша, удачи. Только это — дело второстепенное: вы бы лучше чем-нибудь более значительным увлекались.

Сейчас клуб в Чухчереме самый лучший в области. Уютно в нём, приятно. Есть библиотека, и не для отчёта, а настоящая, с книгами. Есть кружки: хоровой, драматический. Нехватает лишь хорошей одноактной комедии на колхозную тему. Но это грех не одной Чухчеремы.

Как всё это Кукину удалось совершить, рассказывать долго. Скажем лишь самое главное: он категорически, со всем пылом и страстью отверг навязываемое ему мнение о том, что клуб — дело второстепенное. И это очень хорошо подтвердилось на практике. Чухчерема идёт впереди по всем сельскохозяйственным показателям, в том числе и по самому главному — по высокому урожаю.

Не перевелись ещё у нас люди, считающие культурно-просветительную работу в сельской местности чем-то вроде укропа.

— Для засолки опурцов вещь полезительная, а почву под него возделывать не к чему — сам вырастет.

Есть у нас и любители поговорить о культуре в общем и целом, без подробностей и докучливых деталей.

В Дубненском районе, Тульской области, отделом культурно-просветительной работы заведует товарищ Куренков. Единственным подопечным ему очагом районного, так сказать, масштаба является Дом культуры. В нём в свою очередь тоже есть заведующий.

На один небольшой дом два администратора. Казалось бы... Но скажем прямо — ничего в этом запущенном доме нет. Случается иногда, раз в квартал привезут какой-нибудь бывший полнометражный звуконемелый фильм, смонтированный из трёх частей «Весёлых ребят» и одной части «Антон Иванович сердится». Смотреть этот кинодиастрофик собираются главным образом выносливые подростки. Семейные люди на такой подвиг не решаются. Шутка ли — простоять на ногах из-за отсутствия скамеек несколько часов.

Однажды товарищу Куренкову осторожно намекнули:

— А не находите ли вы, что кинокартину удобнее смотреть сидя?

— Это — дело второстепенное. Главное — поднять общий уровень. За скамейками погонимся — основное потеряем!

В начале года шефы подарили избечитальне села Салтыково, Пензенской области, радиоприёмник «Родина». Собирались по вечерам колхозники, слушали Москву. Однажды приёмник очутился у председателя сельсовета тов. Абрашкина. Начали его колхозники поздравлять:

— С музыкой вас, товарищ Абрашкин! Как наш подарочек на новом месте действует?

— Действует! Но я музыку не слушаю. Музыка — дело второстепенное.

Уметь отличать главное от второстепенного не каждый умеет. Работникам омской областной конторы Союзпечати установка газетных витрин в сельской местности казалось делом немаловажным. Сколько по этому поводу отчётов посылалось, шума было сколько! Витрины установили, а газеты вывешивать не стали:

— Это — дело второстепенное.

Мы с этим не согласны. Мы не согласны и с руководителями кинопроката, считающими сельскую киносеть второстепенной и засылающими туда рваные киноленты. Мы не согласны также и с работниками многих отделений Когиза, продолжающими обделывать сельские библиотеки.

Мы за тех... Короче говоря, мы за тех, кто последует примеру Прокония Кукина из села Чухчерема и перестанет считать культурно-просветительную работу на селе второстепенным занятием.

Это дело первоочередное!

Арк. ВАСИЛЬЕВ

С. МАРШАК

БАСЕНКА О ВАСЕНЬКЕ

(ДЛЯ БОЛЬШИХ И МАЛЕНЬКИХ)

В одной из школ

Был у меня знакомый мальчик Вася,
Зимой он учился в первом классе
И во второй весной перешёл.

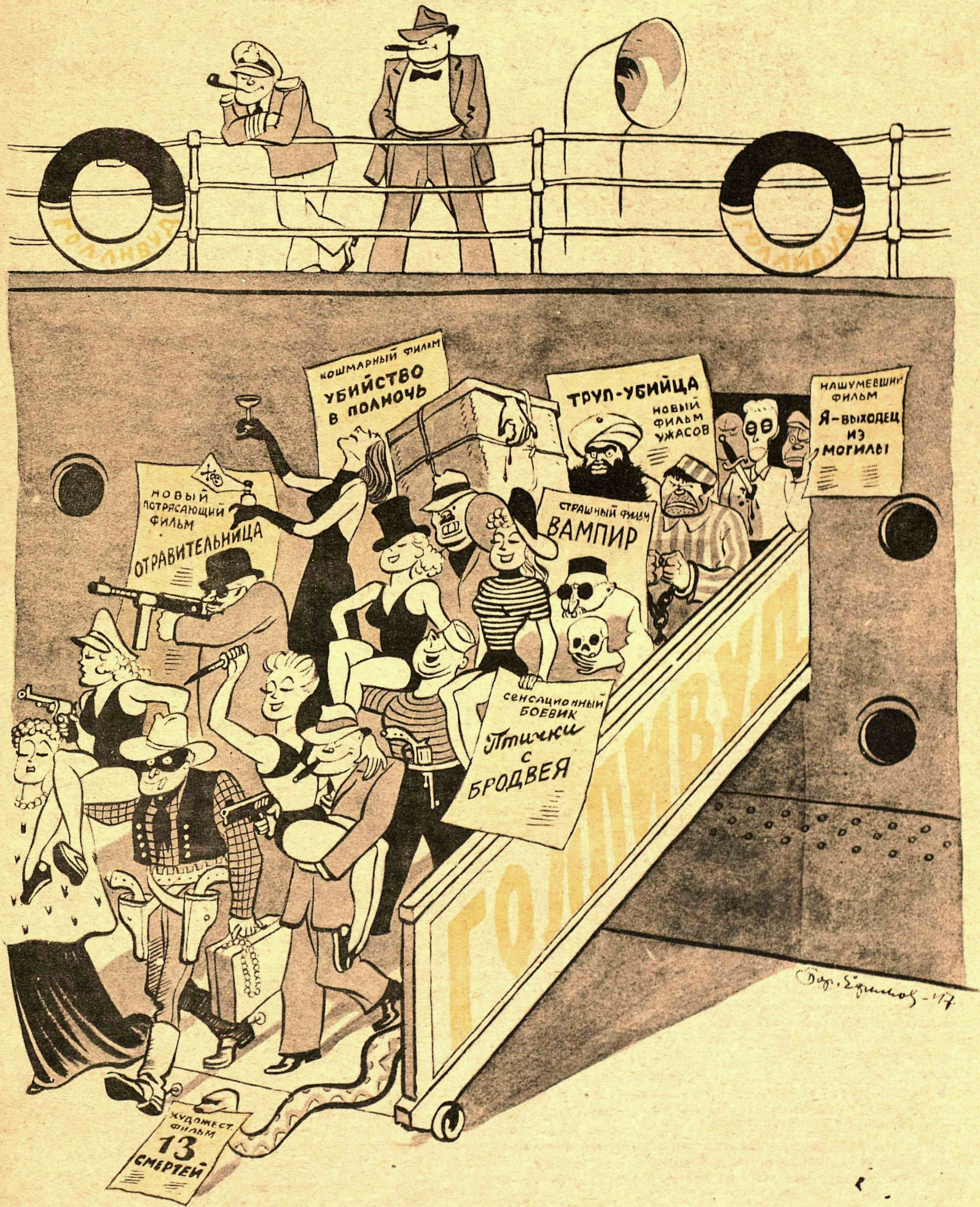
Вот осенью явился в первый раз
К дверям второго класса наш Василий,
А двое новичков его спросили:

— Не можешь ли сказать, где первый класс?
— Не помню! — отвечал с презрением Вася. —
Я не бываю больше в первом классе!

Читатель, если новый чин у вас,
Не надо презирать свой прежний класс!

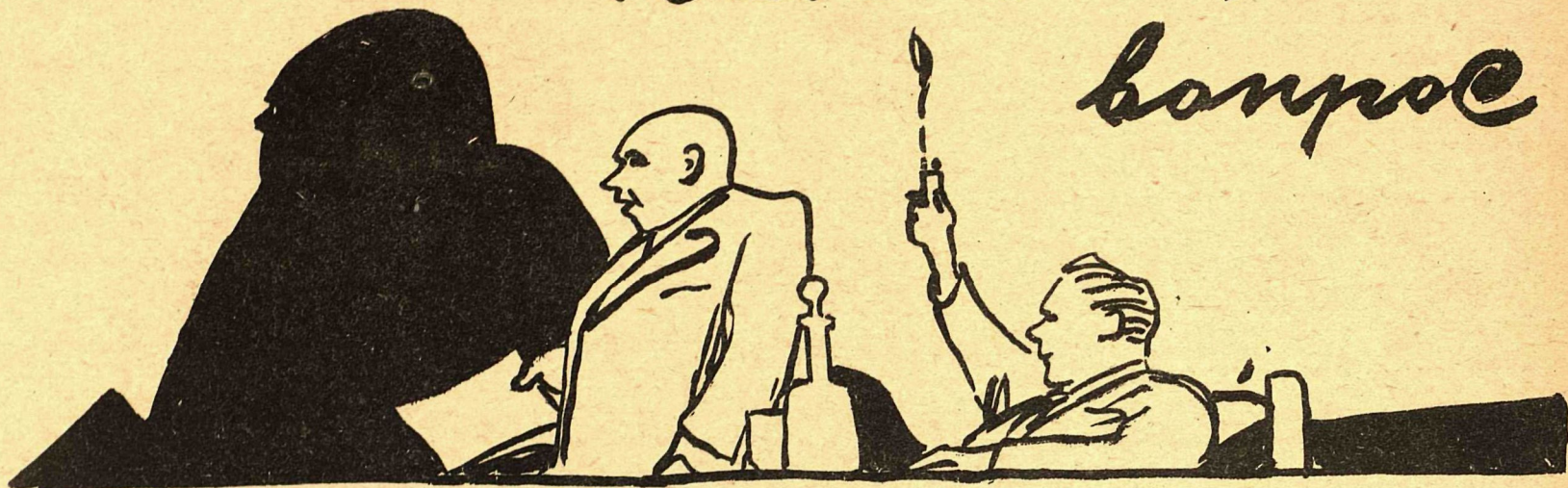
ВТОРЖЕНИЕ В ЕВРОПУ

Рис. Вор. ЕФИМОВА

— Кто — откуда, а мы из Голливуда!

Как осветили вопрос

ДИРЕКТОР нервничал. Это был очень плотный из себя директор со щеками, заметными даже со спины; обычно директор был величественно спокоен и никогда не обращал своей головы в сторону собеседника, — если уж нужно было обратиться к таковому, надменный директор медленно поворачивался всем телом; голос у него был хриплый и низкий, говорил он всегда медленно. А сейчас этот директор нервничал.

— Что ж, он думает нести мне мой доклад? — резко вопрошал директор свою секретаршу. — Или он думает, что в главке станут дожидаться, когда какой-то там зав. плановым отделом соизволит закончить...

— Уже несёт, несёт уже! — кивая головой и махая руками, успокаивала своего шефа секретарша.

И точно: заведующий плановым отделом с очками в бесцветной оправе на середине утиноного носа уже доставлял на отлёте-далеко впереди себя — красиво перепечатанные и красиво сшитые листы доклада.

— Наконец-то! — буркнул директор и отвернулся от своего плановика всем телом.

— Только что кончили перепечатку... поверите ли: всю ночь сидели четверо...

— А проверили? Всё точно?

— Каждую, то есть, цифрычку по три раза считывали! Тютелька в тютельку сходится... Да вы сами полистайте...

— Нет уж, листать мне некогда: там ждать не станут... Докладывать буду прямо с листа... Лариса Павловна, скажите, чтобы подавали мою машину...

И директор с помощью плановика стал втискивать увесистые листы доклада в свой двуспальный вес в бляхах и молниях портфель, а секретарша кинулась за шофёром...

* * *

И вот в некоем зале некий председатель объявил участникам совещания:

— А теперь в части металлоизделий — как там обстоит с метизами и что мы имеем в этой области — сообщение сделает директор нашего метизкомбината товарищ Вуткин... Попрошу, товарищ Вуткин...

Известный уже нам надменный директор, взяв в руки известный уже нам аккуратно перепечатанный доклад, подошёл к кафедре. Не торопясь, он положил листы доклада на поппитр кафедры, поправил их так, чтобы они лежали аккуратно по середине поппитра, затем отхлебнул воды из стакана, прочистил себе горло

звук, отчасти похожим на мычание телёнка, а отчасти на гоготание гуся, и солидно начал:

— Товарищи, к сожалению, в части метизизделий мы на сегодняшний день не имеем того выполнения плана, каковое является желательным как для нас, так и для потребителя...

В этом месте директор строго посмотрел на зал, как будто собравшиеся в зале и были виновниками нежелательного невыполнения.

— В конкретных цифрах мы имеем по метизизделиям... Ммм...

Но тут внезапно потух свет. Как водится, кто-то в президиуме сказал иронически «Так!», а в зале неизбежный остряк неизбежно сострил: «Следите за своими карманами, граждане!» Затем председатель, запалив зажигалку, нашёл свой колокольчик, звякнул два раза и сказал:

— Попрошу соблюдать спокойствие, товарищи. Это мы сейчас устроим... А ты, товарищ Вуткин, продолжай...

— Как то-есть я могу продолжать, — отозвался директор несколько растерянным голосом, — когда я буквально ничего не вижу?!

— Ну, ты не так гладенько скажешь, но цифры-то основные ты нам можешь доложить пока наладят свет?

— Цифры? — совсем уже растерянно повторил директор. — Цифры, да... Основные, конечно, да...

— Ну, вот и давай...

— Сейчас... На чём это я остановился? Да! Я говорю, к сожалению, объективные причины не позволили нам... К сожалению... Да... И вот, к сожалению...

— Про сожаление мы уже слышали! — раздалось из зала. — Трогай дальше!

— Сейчас. Да. Вот я говорю, если взять такой насущнейший предмет массового потребления, как тёрка, то по одним только тёркам по вине смежников нами не дано... Ммм... К сожалению, цифра, она у меня здесь записана, но в памяти я её не совсем удержал... Да... Ну, в общем, смежники нас сильно, к сожалению...

— Что же вам смежники для тёрки дырок не доставили, что ли?

— Товарищи, мне и так трудно ориентироваться в темноте. Я бы попросил товарищей воздержаться от разных шуточек... У нас затёрло не только с тёрками...

— Видишь ты! Когда сам острит, так ничего...

— Где я острою?

— А как же, говоришь: «Затёрло с тёрками», — чистый каламбур!

— Товарищи, мне трудно в таких условиях...

— Цсс! Создайте ему условия! Говори, Вуткин!

— Я и говорю, если мы возьмём целый ряд метизизделий, начиная от вилки и кончая той же ложкой, то мы увидим... то-есть, именно сейчас мы не можем увидеть, поскольку света нет. Но в общем грубо ориентировочно лучше всего у нас дело обстоит именно с кнопками. Кнопок нами выпущено что-то больше девяноста тысяч метров...

— Кнопки в метрах? Здорово!

— Товарищи, давайте не будем придирааться! Каждому должно быть ясно, что на кнопки идёт лента, которая исчисляется в метрах, а уже персонально кнопка — та хочет исчисляться в штуках...

— Вот так штука!

После длинного председательского звонка наш директор продолжал:

— В общем, товарищи, я, к сожалению, не смогу вам сейчас сообщить точные цифры, но я могу дать информацию, так сказать, общего типа...

— Ясно!

— Что ясно, товарищи? К сожале...

Свет зажгётся так же внезапно, как и потух. Произошло радостное движение в зале.

Директор испустил довольное «уфф» и, ласково погладив рукою сверкающие белые листы доклада, бодро заявил:

— Вот теперь, товарищи, я смогу подробно осветить вопрос...

— Не надо! — сказал председатель. — Вопрос освещён достаточно.

— Кто ж его осветил? — наивно удивился директор. — Когда?

— А вот только что. Темнота осветила нам всё, товарищ Вуткин.

Все зааплодировали, а директор растерянно проговорил:

— Говорите «темнота осветила»... Разве так бывает? К сожалению, я вижу...

— И мы видим. «К сожалению», товарищи, я думаю, можно перейти к следующему вопросу, не так ли?.. А резолюцию насчёт товарища Вуткина и его, с позволения сказать, доклада мы немного подработаем и внесём позже... Можете идти на место, товарищ Вуткин...

Директор, немного потоптавшись, неловко ухватил свой доклад и пошёл к своему месту обычной надменной походкой, которая была на этот раз особенно неуместна.

К И Н О Т Р Ю К И

МНОГО писалось об Одессе. Но никто ещё ни разу, ни в стихах, ни в прозе, не описал Одесской кинофабрики. А между тем, на наш взгляд, она достойна самого пристального внимания. Поэтому берём на себя труд восполнить этот пробел и в меру наших сил познакомить читателей с незаурядной достопримечательностью прелестного южного города.

Расположенная в одном из уютнейших уголков, черноморская кинофабрика привлекает к себе много любопытных. Попросите директора Бельковича, и он охотно расскажет, как, прельщённая заманчивыми павильонами с причудливой аппаратурой, в неё буквально влюбилась его собственная жена Елена Александровна, скромная учительница одной из московских школ. До того влюбилась, что потеряла сон, аппетит и даже пожелала перемешать педагогическую деятельность на работу в области кино.

Что мог поделать любящий муж? Хотя Елена Александровна имела к кинематографии лишь то отношение, что время от времени смотрела фильмы в кинотеатрах, он, Белькович, не в силах был противиться капризу подруги и без промедления сделал её ассистентом режиссёра по монтажу и даже назначил начальником монтажного цеха. Принимая во внимание всю сложность новой работы, заботливый муж и директор специальным приказом ограничил время занятий нового сотрудника пятью часами в день, не больше. Месяц с лишним числилась в этой должности Елена Александровна.

Может невольно создаться впечатление, что Белькович так относится только к близким родственникам. Ничего подобного!

Он, например, вовсе не считает своим родственником некоего Коляшкина. Глава кинофабрики видит в нём только незаменимого специалиста малярного дела. А так как на фабрике до сих пор нет малярного цеха и числящиеся по штату два маляра работают без надлежащего руководства, то Бельковичу приходится в голову гениальная мысль организовать малярный цех и назначить начальником Коляшкина. Бельковича не останавливает даже то, что Коляшкин живёт в Москве, а не в Одессе. Тем лучше. Пусть он пока остаётся в столице и числится в командировке. Пусть заимствует опыт и знакомится с последними достижениями в области малярного искусства.

Полтора месяца вершит в Москве какие-то дела начальник малярного цеха. Полтора месяца выплачиваются ему заработная плата, суточные и квартирные. Наконец, он приезжает в Одессу. Получает комнату в фабричном доме. Но из начальника цеха, с лёгкой руки того же Бельковича, почему-то превращается в управдома.

Что и говорить, умеет использовать людей Белькович! Возьмём, к примеру, Ильченко Виктора Григорьевича, бывшего директора Одесской филармонии, снятого с поста за бездеятельность, развал работы и очковтирательство. Какая блестящая служебная характеристика! Такой человек может украсить собой любое учреждение. Без него кинофабрика как без рук. Принять Ильченко на работу и зачислить в качестве заместителя директора. Что ж, можно только позавидовать Бельковичу и поздравить его с таким достойным заместителем.

Или вот ещё Донин, бывший работник Кагановичского райпищеторга в Одессе, расставшийся с этим учреждением после злоупотреблений по службе и разбазаривания фондов. Да ведь он просто клад! Лучшего начальника отдела снабжения фабрики днём с огнём не сыскать! Какой опыт в хозяйственной работе! Оформить, зачислить!

Ну, кажется, кадры на черноморской фабрике подобрались вполне подходящие. Теперь можно начать снимать. Не картины, конечно.

Л. МИХАЙЛОВ

НЕДОВЕРЧИВЫИ БЕБУРИШВИЛИ

До чего же некоторые люди неверчивы! Прямо диву даёшься. В санаторий «Агобили» в Абастумани прибыл новый главный врач товарищ Бебуришвили. Собрав всех сотрудников, он сердито посмотрел на них и коротко приказал:

— Уволить!

Сначала его не поняли. Думали: к кому это неприятное слово относится? Но тут же всё разъяснилось.

— Всех уволить! До одного!

Высказав это, Бебуришвили скрылся в своём кабинете.

Сотрудники начали смеяться:

— Ну и шутник же новый начальник! Вот какой забавник! Всех уволить! Да где же это видано!

Через час на стене висел приказ:

«До 1 августа 1947 года пересмотреть штат санатория, изучить их (!), считать все должности вакантными и упразднить все назначения по должностям всех до моего вступления на должность главного врача».

Кто-то из бывших сотрудников спросил Бебуришвили, чем вызваны такие суровые меры. На это последовал ответ:

— Я вас на работу не принимал и поэтому доверять вам не могу. Тогда его спросили:

— А если бы вас, например, министром сделали, как бы вы тогда поступили?

— Так же бы! Уволил бы всё министерство!

Вот он какой неверчивый, Бебуришвили!

ПРЕЛЕСТЬ ПОЛЕТОВ

Если жителю Красноярска, командируемому куда-нибудь по срочной служебной надобности, предложить вылететь к месту назначения на самолёте, то он, будучи в здравом уме и твёрдой памяти, возразит:

— Покорнейше благодарю! Во-первых, от этого обувь развалится. Во-вторых, ноги у меня не железные. В-третьих, мне время дорого.

Возражение это не бессмысленное, а резонное и обоснованное.

«Председатель исполкома Красноярского горсовета тов. Сытунков «постановил» закрыть городское агентство ГВФ и передать его помещение Гражданстрою. На ходатайство агентства о предоставлении ему другого помещения председатель ответил, что таковое может быть предоставлено только на правом берегу Енисея (в 20 километрах от аэропорта). А транспорта горсовет тоже не предоставляет. Таким образом, пассажир должен пройти 40 километров за билетом и обратно. А до аэропорта ещё 7 километров».

«Так вот в чём прелесть полётов в небо! Она в падежи!» — расступил Уж из «Песни о Соколе».

Председатель Сытунков внёс в это суждение существенную поправку:

«Она — в хождении!»

Рис. Е. ЕВГАНА

СИСТЕМА ОТОПЛЕНИЯ

- Наш район давно на центральное отопление перешёл.
- Как? У вас ведь и теперь всюду обыкновенные печи!
- Да, но дрова-то мы получаем из центра.

АДВОКАТ Николай Константинович Колосников приехал на станцию Овечкино с московским поездом к вечеру и обнаружил, что за ним из большого районного села Сухой Бор, куда он направлялся на суд, не прислали обещанной легковой машины.

Адвокат, пожилой мужчина с большим, как огурец, сизым носом в склеротических жилках и брезгливо юттопыгренной нижней губой, не по возрасту щеголевато одетый в светлое габардиновое пальто, ужасно расстроился, рассердился и пошёл за помощью к начальнику станции.

Тот посочувствовал приезжему, потом сказал:

— Я вас сейчас устрою. На Воропаево идёт шолтурка с мукой. Шофёр—Свеколкин — мне знакомый. Сделает крюк, подбросит вас в Сухой Бор. Здесь всего-то тридцать пять километров.

— Как же я, голубчик, на муке поеду... в моём пальто?

— У него в кабине свободное место. Обойдите, я сейчас с ним поговорю.

Он вышел и через несколько минут вернулся довольный:

— Порядок! Сотласился! Идёмте!

Тощим палисадником, по которому важно разгуливали храбрые железнодорожные куры, он вывел адвоката на заднее крыльцо станционного здания.

Возле крыльца уже стоял, клокоча мотором, старенький «Зис», нагруженный мешками с мукой.

Шофёр, молодой, с медно-загорелым, скуластым, чернобровым лицом, кивнул Колосникову головой и сказал, улыбаясь:

— Такси подано, гражданин. Садитесь!
— Я вам хорошо заплачу, голубчик!
— Ладно, сочтёмся! Папиросочкой угостите — и всё!

— Только поезжайте... как следует!
— Как следует поедём! — сказал шофёр. — На всех четырёх колёсах и по земле! На шею не будем забираться. Садитесь!

Адвокат открыл дверцу кабины, подул на сиденье (ему казалось, что оно в муке), наконец уселся и с тем же брезгливо-несчастным выражением на лице поблагодарил начальника станции за хлопоты.

Шофёр положил большие чёрные руки на баранку руля, машина тронулась и покатила по крешкому большаку, уходившему в просторные, тронутые лиловой вечерней дымкой поля.

Солнце садилось. После недавнего дождя порьяло шажло прибитой пылью и берёзовым листом. В недалёком лесу отсчитывала кому-то долгие годы жизни щедрая кукушка. Но неизъяснимая прелесть русской полевой дороги не трогала адвоката. У него побаливала печень, раздражение не проходило, и чем дальше машина углублялась в поля, тем несноснее казалась Колосникову обида, нанесённая ему нерасторопными кооператорами из Сухого Бора. Кроме того он ухитрился где-то запачкать машинным маслом своё пальто, и теперь вид тёмного о жирного пятна увеличивал его душевные терзания.

Адвокат кряхтел, сердито сопел, ворочался, ёрзал по сиденью.

Шофёр заметил это и спросил:

— Вам что, сидеть неудобно?

— Нет, ничего!.. Вот видите... Пальто запачкал!

— Это вы, наверное, на станции запачкались, — сказал шофёр, взглянув на адвокатское пальто, — у меня в кабине чисто.

— А почему я на станции обязательно должен был запачкаться? — раздражённо сказал адвокат. — Вот в Европе на станциях — там чисто. Там не запачкаешься!.. Поезжайте потише, голубчик, а то очень трясёт!..

Шофёр сбавил ход.

Улыбаясь своим мыслям, Свеколкин сказал, глядя прямо перед собой:

— Я в войну танкистом был. Служил у Рыбалко, у маршала. Всю Европу насквозь прошёл. Помню, захватили мы с ходу одну немецкую станцию. Выходим из машины, на путях, на перроне нефть по щиколотку. Немцы, убегая, выпустили из цистерны. Только мы, значит, вышли из машины, откуда-то начали бить два пулемёта. Пришлось прямо в нефть ложиться... Потом, когда подавили эти пулемёты, посмотрели мы друг на друга — батюшки-светы! — форменные черти!.. Смежу было!.. Вот это запачкались на станции, так запачкались!..

— Это интересно, — сказал адвокат. — Значит, побывали в Европе?

— Побывал. Совершил заграничное путешествие!

— Ну, а какие ваши впечатления? Скажите откровенно, голубчик, вам понравилась заграничная жизнь? Как, по-вашему, есть чему поучиться у проклятых буржуев, а?

Продолжая крутить баранку руля, шофёр сдвинул на затылок свою выгоревшую на солнце кепочку и ответил:

— Как вам сказать... я думаю, им больше надо у нас поучиться!

— В каком смысле?

— В том смысле, что мы их побили, а не они нас. Зачем же нам у битых учиться?

— Вы меня не поняли, — сказал адвокат, — я говорю о быте, о культуре, о цивилизации, об отношениях людей. Возьмите мой случай. Вот в Европе адвокат не поедет навалом на грузовике с мукой!.. А я еду. Это культура?

— Дело потребует — и на палочке верхом поедешь! — возразил шофёр. — По-моему, культура тут не при чём... Конечно, они чисто живут. Но ведь чистота — дело наживное... А вот вы говорите, отношения людей... Тут я вкорме несогласен.. У нас люди друг к другу лучше относятся. А у них живут, как волк с собакой... Тоже вот был случай в Германии. Заняли мы один городок — целёхонький. Кино работает, магазины торгуют. Объявили, конечно, регистрацию фашистов. И вот приходит к полковнику коменданту толстый немец, владелец магазина. Так, мол, и так, я давно уже коммунист в душе и ужасный революционер и поэтому сообщаю, что мой сосед, тоже торговец, — контра и отъявленный фашист. Прошу, дескать, его — к ногтю. Только записали его показания, является другой немец, тощий, как таракан. Я, говорит, давно сочувствую большевикам и как глубоко идейный товарищ прошу убрать к чертям собачьим моего соседа, тоже торговца. Он гестаповский шпик. Он, говорит, у вас только что был. Хватайте его, как бы не убежал! Ну, разобрали это дело и выяснили, что оба они фашистской партии, но конкуренты между собой по торговляшке. Хотели друг дружку загрызть. Благо, такой случай представился! А вы говорите, отношения!..

— Голубчик, вы мне рассказываете детские вещи! — поморщился адвокат. — Я го-

ЗА ВСЯКИЙ ОВОЩ СВОЕ ВРЕМЯ

Рис. К. ЕЛИСЕЕВА

— Я, помню, тыкву раз в пять поменьше с огорода унёс, так мне за неё год дали... Ну, а такая, пожалуй, целых три года потянет!

МАНУФАКТУРНАЯ НАТУРА

Рис. А. КАНЕВСКОГО

ворю не о культуре отношений, а если хотите, о внешней стороне... Я думаю, что тут Европа остаётся Европой и нам до неё далеко...

Колосников говорил долго и с жаром, упираясь собственным красноречием, словно с судейской трибуны.

Когда шофёр пытался ему возразить, он мотал головой и сердито заявлял:

— Не перебивайте меня!

Всё не нравилось адвокату: и железнодорожные порядки, и тряская дорога, и отношения с клиентами. Всё в Европе, по его словам, было лучше.

Шофёр хмурился, молчал.

— Я сам советский патриот! — говорил Колосников. — Но поймите меня, голубчик, надо мыслить критически. Вот придумали: русский пейзаж — самый красивый в мире. Почему? Откуда это, извините меня, упрямое, самодовольное самоуверение?.. Почему нашу тощую берёзку и должен считать красивее бука или граба?.. Почему?..

И вдруг Свеколкин резко затормозил. Машина остановилась.

Шофёр громко выругался, без адреса, просто так, в воздух, и сказал адвокату:

— Вылезайте, гражданин!

— А что случилось? Авария?! Вот в Европе, голубчик, этого не бывает!..

— Вылезайте, вылезайте!

Адвокат покорно вылез из кабины.

— Не повезу я вас дальше! — сказал шофёр, и скуластое лицо его поблело.

— Да в чём дело? Что такое произошло?

— Не желаю вас везти — и весь разговор!

— Обождите!.. Я не понимаю!.. Я же вам хорошо заплачу...

Он стал совать Свеколкину мятые пятирублёвки. Но тот решительно отвёл руку адвоката:

— Не нужны мне ваши задатки. Надоело вас слушать, гражданин, вот в чём дело. Я простой человек, шофёр, не партийный, не начальник, не туз, не король, а вроде тройка! Я больше вашего про все ваши недостатки понимаю. Они по мне сильнее будут, чем по вас. И я покрепче вашего умею на собраниях ругаться. А вот Европой глаза колоть никому никогда не буду. Потому что видал эту самую Европу и едал!..

— Постойте!.. Голубчик, обождите!.. Как же я тут останусь один на дороге?!

— Дождётесь попутной, доедете!.. Не могу вас везти, в сердце свербит!.. Вот вы до чего дошли: берёзку — и ту окаяли!.. А мы, солдаты, о русской берёзке в заграничных краях, как о родной сестрёнке, вспоминали!.. Отойдите, вам говорят, не цапайтесь!

Он выжал конус, и машина покатилась. Адвокат ажгул и побежал следом, тонко крича:

— Остановитесь!.. Ка-ра-ул!..

Грузовик проехал немного и остановился. Задыхаясь, адвокат подбежал к кабине шофёра и плачущим голосом сказал:

— Товарищ Свеколкин!.. Что же вы делаете, голубчик?.. Разве это по-советски? Меня же тут дикие звери съедят!

— А вы им про Европу расскажите. Они со скуки сохнут!

— Товарищ Свеколкин!.. Я... это... признаю, так сказать, свою ошибку. Я перепнул, так сказать! Я буду молчать! Только довезите!

— Честное слово, будете молчать?

— Честное слово!

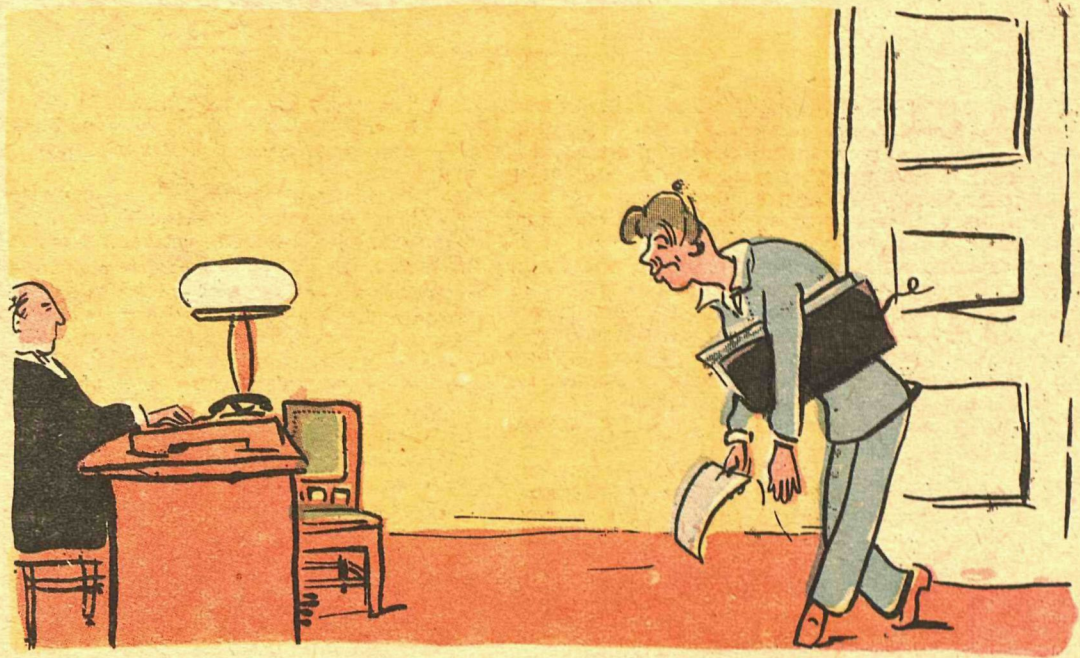
— Ну, смотрите! Ваше счастье, что у меня характер отходчивый!.. Надо было вас наказать. Постояли бы часа три на дороге, тогда бы поняли, как своё хаять. Садитесь!.. Только если хоть одно слово от вас услышу про Европу, — ей богу, высажу!

— Молчу, молчу!

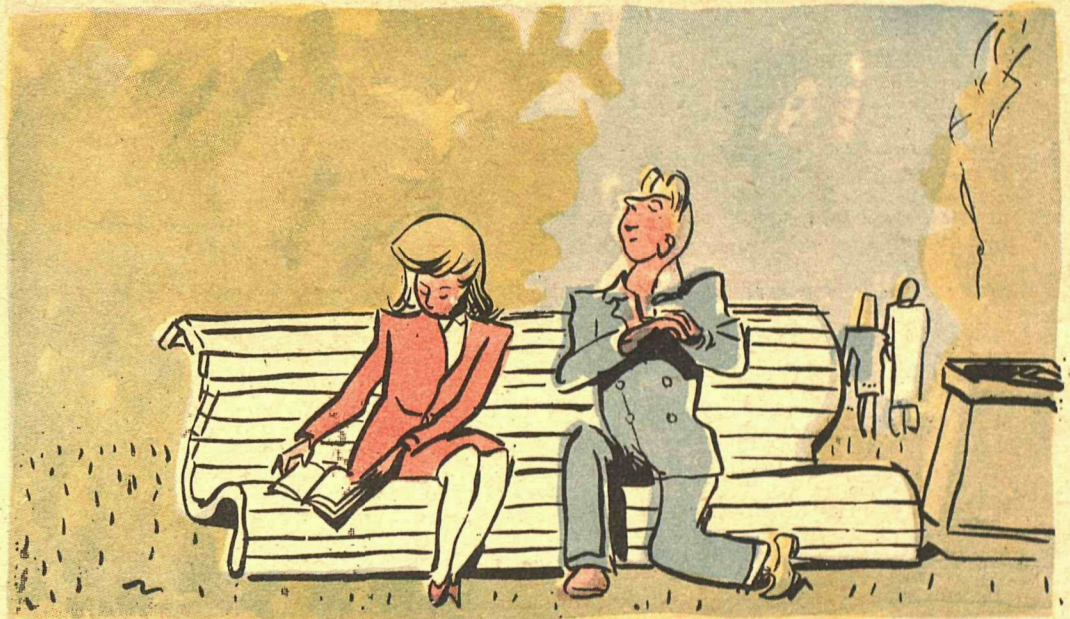
Адвокат залез в кабину и, съёжившись, прижался к дверце, чтобы не мешать шофёру вести машину.

Быстро стемнело. Стало прохладно. На чистом небе показался тонкий милый серпик луны. Печально, как бы удивляясь чему-то, причала в кустах птица.

Шофёр и пассажир молчали всю дорогу до самого Сухого Бора.

Разговаривая с начальством, он шёлковый.

С девушкой он говорит бархатным голосом.

А на трибуне язык у него суконный.

КОЛХОЗНЫЙ

БАЗАР

Воздух пахнет урожаем,
 Дышит осенью листва,
 А на небе, точно в мае,
 Рассиялась синева.
 Рассиялась над полями,
 Над широким большаком,
 Над возами, над домами,
 Над шумливым городком.
 Точно в мае, солнце жарит
 И светло и горячо..
 Возле речки, на базаре
 Прёт народ плечо в плечо.
 Вот ларёк большой и новый —
 Москательный, скобяной:
 Дёготь, сталь, говар пеньковый,
 Гвозди, маты, воск, подковы, —
 Здесь народ стоит стеной.
 Не мальчишки гулевые —
 Всё хозяйственный народ:
 Бригадиры, звеньевые,
 Полевод и счетовод..
 — Тётка, стой! Почём капуста?
 Баба с возу шурит глаз:
 — Вся капуста! Видишь, пусто!
 Думал, ждате мы будем вас?
 Нет, милок! У нас работа!
 Это вы привыкли спать!
 — Да и я не лодырь! — То-то..
 По лицу-то не видать!
 Дай-кось книжку, мы по ней
 Скажем, сколько трудодней!
 И, прижавши, как ребёнка,
 Новый пухлый самовар,
 Баба гонит лошадедку
 Сквозь распаренный базар.
 Всё лицо её сияет,
 Точно медное литье.
 Видно, там, в правленье, знают,
 Кто в торговле понимает, —
 Ведь недаром посылают
 На базар всегда её!

— Тонька! Вон ведут дружочка!
 Погляди-ка, чистый фронт:
 Вся рубашка на цепочках!
 — Ну, известно, — спекулянт!
 — Да, конечно, без причины
 За машинку не возьмут.
 — Этот самый вот мужчина
 Цельный день вертелся тут.
 Он и к нам всё подсыпался,
 Принимал сурьезный вид:
 Торговался, приценился:
 «Я от оrsa», — говорит!
 — Орса не орса, а просто липа,
 Сразу видно, — парень плут!
 — И куда ж такого типа,
 Извиняюсь, поведут?
 — Ну, куда, куда?.. Известно!
 Всё скажи им — просто страсть!
 Что тебе-то интересно?
 Сам мечтаешь, что ль, попасть?

Дед колхозный с поросёнком
 Убеждает: — Ты пойми!
 Я ведь с ним, ведь, как с ребёнком,
 И возился и кормил..
 Прямо — если бы не бабы —
 Не расстался б никогда бы.
 Почему и продаю —
 Внуку замуж выдаю.
 Урожай!.. Кругом всё свадьбы,
 Вот и нам пора сыграть бы.
 А играть — так звать гостей,
 Чтобы всё, как у людей.
 Вот зачем и продаю-то, —
 А иначе бы ни в жисть!
 Краля — внучка, звать — Анюта.
 А уж пляшет — ну, держись!

Обижаются молодки
 На товар коопларька:
 — Не ларёк — одна чачотка:
 Ни стекла, ни фитилька!

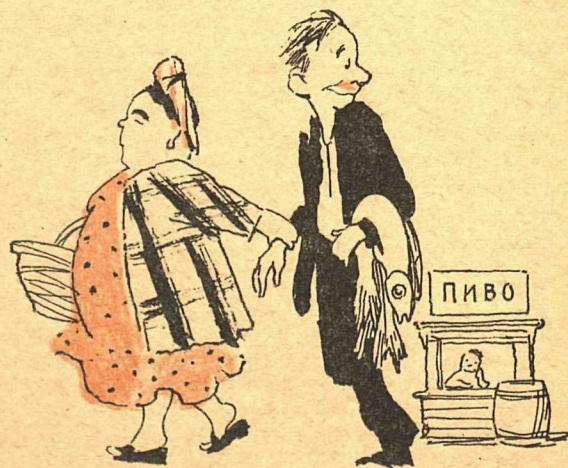
— Ни красивого платка!
 — Юбки старого фасона
 Чёрно-рыжего сукна!
 Брак лежалый, запылённый..
 Чай, ведь, нынче не война!
 — Перестроиться пора б!
 — Ох, зубасты стали бабы!
 — Перестроиться пора бы:
 Уж давно не стало баб!
 А невежи-мужики
 Все устроились в ларьки —
 И живут совсем неплохо,
 Хоть торгуют кое-как!
 Раздаётся дружный хохот
 Над сидельцами ларька.

— Масло брать нельзя в бумагу!
 Что ты сделал?

— Ерунда!
 — Больше я с тобой ни шагу
 Никуда и никогда!
 — Ох, приду домой — и лягу!
 Гвоздь в сапог попал — беда!..
 За женою муж плетётся
 С грузом масла и сельдей:
 — И откуда берётся
 Эта уйма людей?
 — Ах, какой же ты чудной, —
 Ведь сегодня выходной!
 Ну, пойдём..

Но муж в раздумье
 Тупо смотрит на жену.
 — Ну, чего ты встал, как мумия?
 Н-ну?!

Воздух пахнет урожаем,
 Дышит осенью листва,
 А на небе, точно в мае,
 Рассиялась синева.
 Растопилась летним жаром
 Над широким большаком,
 Над колхозным над базаром,
 Над шумливым городком.

Иллюстрации В. ПРОРОКОВА

НОВОЕ В АКУСТИКЕ

АВТОРИТЕТНЫЕ люди установили, что «один и тот же звук может восприниматься органом слуха одних лиц и вовсе не восприниматься органом слуха других». Отчего это бывает? Почему одни звуки проходят легко, а другие — трудно-проходимы?

Мы не специалисты в области акустики, но берём на себя смелость утверждать, что всё зависит от того, с какими звуками иметь дело — с приятными или неприятными. Приятные доходят быстрее. Неприятные — наоборот.

Поясним это на конкретном примере.

На безобразные порядки в пензенском родильном доме жаловались и роженицы и многие врачи. Первым обязан был реагировать на эти жалобы главный областной гинеколог Артёмов. Но он пропустил эти жалобы мимо ушей. Почему? Очень просто: как мог Артёмов что-либо предпринять, если он же являлся по совместительству и главным врачом родильного дома? Смешно требовать от Артёмова, чтоб он взгрел самого себя!

Тогда почему оказался таким тугоухим заведующий городским здравотделом Абрамян? Опять-таки только потому, что жалобы по природе своей относятся к звукам зесьма неприятным. А не всякому приятно слышать неприятные звуки.

В конце концов жалобы вырвались из звуконепроходимой зоны и были услышаны. Не в Пензе, правда, а в Москве. Министерство здравоохранения РСФСР снарядило в Пензу комиссию. Министр тов. Белецкий издал приказ: Артёмова с работы снять и предать суду, Абрамяна, не обеспечившего руководство здравоохранения, освободить от занимаемой должности.

Приказ министра обошёл всю республику. В поучение другим приказ требовал извлечь уроки из неприглядной пензенской истории. Повсюду люди находили слова, чтобы осудить Артёмова и артёмовские порядки в лечебном учреждении.

И только в одном городе врачи молчали, точно утратили дар речи. Приказ из Москвы не мог пробиться к пензенским врачам сквозь бронированную зону звуконепроходимости. Приказ стал достоянием лишь избранной группы пензенских руководителей, которым по должности положено выслушивать и приятное и неприятное.

В обкоме профсоюза медсантруд наивно полагали, что приказы затем и пишутся, чтоб их выполнять, и робко предложили:

— Не собрать ли врачей и обсудить приказ министра?

— Не смей! Нам приказ — ещё не указ.

Заявить полное несогласие с приказом министра никто, конечно, в Пензе не посмел. Возможно, главный врач Артёмов кое в чём и виноват, надо его освободить от работы. Но отдавать его под суд? Зачем такие строгости? А как быть с Абрамяном? Его лишь недавно утвердили в должности заведующего горздравом. Какие лестные и приятные отзывы о нём писали! И вдруг — снять? Ни за что!

Неискушённые люди недоумевали:

— Ведь это никак не вяжется с государственной дисциплиной! Мы сами подаём дурной пример!

Но к этим неприятным замечаниям не прислушались. Кое-кто из тугоухих пензенцев стал протестовать. Сначала обратились к министру здравоохранения Союза тов. Смирнову. Тов. Смирнов подтвердил приказ тов. Белецкого. Любители приятных звуков не сдались: они обжаловали приказ тов. Белецкого в Совет министров РСФСР. И оттуда последовала телефонограмма неприятного содержания:

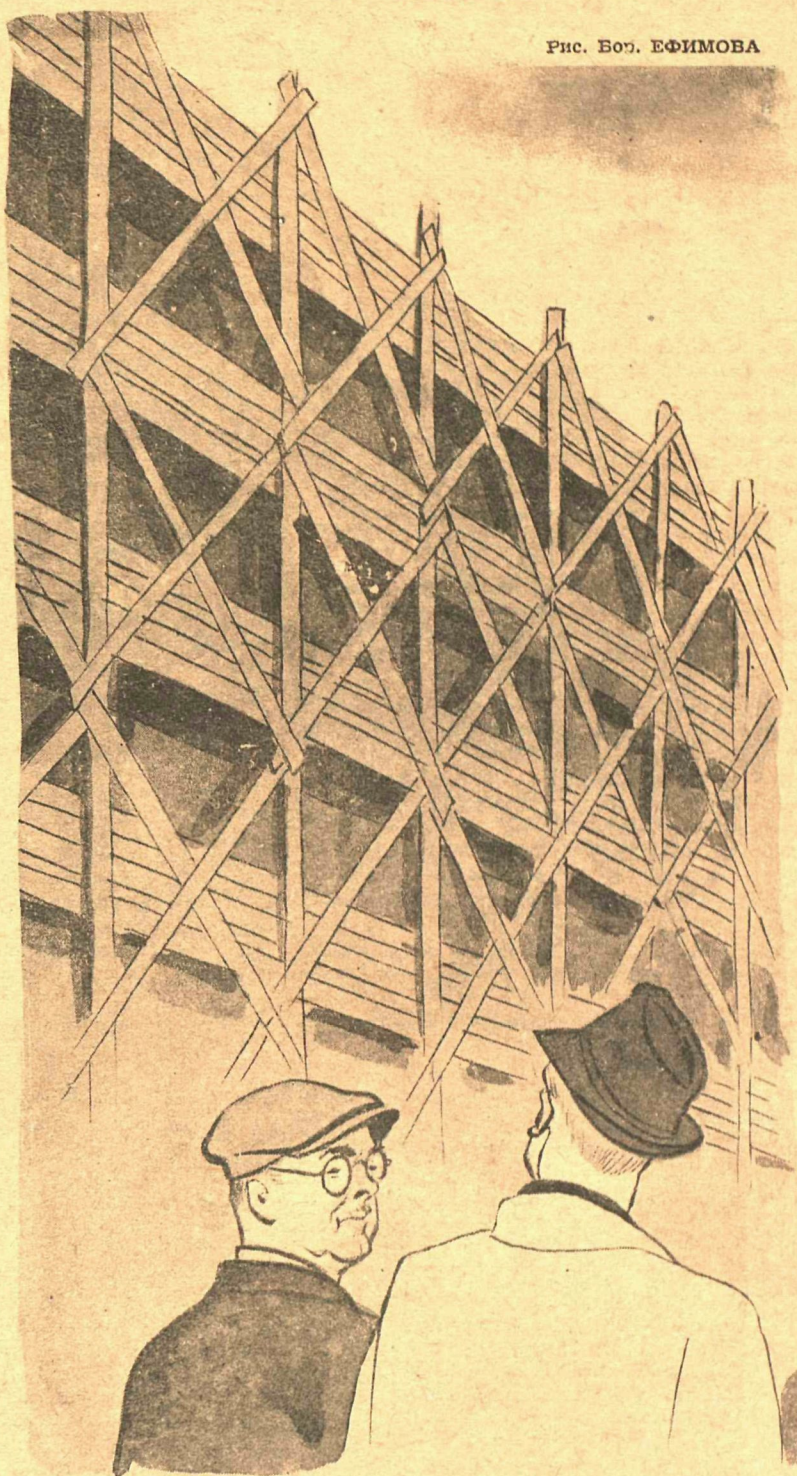
«Выполняйте приказ министра!»

Только спустя два месяца, в десятых числах августа, медицинских работников Пензы пригласили на общегородское собрание. Мы оговорились, это было не собрание, а хорошо разыгранный концерт. Солистом на концерте с докладом о медицинском обслуживании населения выступил Абрамян, тот самый, который два месяца назад по приказу министра и т. д. и т. д.

Вторым блистал в концерте Артёмов, тот самый, который и т. д. и т. п. Ни у кого из организаторов собрания-концерта не вызвало удивления то обстоятельство, что Артёмов сидит тут, в кон-

ТАЙНЫ АРХИТЕКТУРЫ

Рис. Боч. ЕФИМОВА

— Почему до сих пор не снимают леса?

— Архитектор не уверен, что фасад произведёт благоприятное впечатление.

ференц-зале, а не на скамье подсудимых. Артёмов продемонстрировал свои незаурядные вокальные способности: он заливался соловьём, восхваляя своего патрона и шефа, который чуть было из-за него не пострадал.

Бестактная попытка главного врача больницы имени Фрунзе внести диссонанс в этот хорошо слаженный и тщательно подготовленный ансамбль и откровенно поговорить о делах лечебных была пресечена тем же Артёмовым. Он поставил безапелляционный диагноз:

— Ваше выступление политически неправильное.

Собрание, как и следовало ожидать, прошло благополучно. В пензенской медицинской заводи воцарилась самодовольная тишина...

— А приказ министра? — спросит читатель.

Уместно ли после всего этого задавать такие неприятные вопросы?

Е. ВЕСЕНИН

КОЕ-ЧТО О СПЕСИ

В старину на Руси часто можно было слышать такой деликатный разговор:

— Ты куда это вперёд меня полез? Да ты знаешь, кто мой отец и дед были?

— А вот и полезу. Мы тоже не худородные... Это означало, что бояре за званый стол усаживались.

Боярские замашки неожиданно появились и у руководителей Ново-Похровского района, Саратовской области.

Недавно бюро райкома ВКП(б) и исполком райсовета обсуждали обращение колхозников сельхозартели «Подшефное» и рабочих железнодорожной станции Степное о досрочном выполнении финансовых обязательств.

Сначала всё шло мирно и гладко. Обращение одобрили и решили его вместе с постановлением размножить типографским способом.

Вот тут-то и началось. Редактор газеты тов. Гриднев показал опечатанные листовки секретарю райкома ВКП(б) тов. Садчикову. Секретарь посмотрел и потемнел, как туча:

— Задержать! Не выпускать! Он и без этого на собраниях в президиуме норовит вперёд меня сесть.

Оказалось, что тов. Садчикову не понравилось, почему его подпись под постановлением

напечатана после подписи председателя исполкома тов. Кузнецова.

Ещё раз напечатали весь тираж листовок и понесли на просмотр тов. Кузнецову. Председатель исполкома только глянул на подписи и решительно запротестовал:

— Не разрешаю! Почему моя подпись идёт второй!

Так листовка и не увидела света. Вот она, спесь-то, что значит!

НОВОЕ СТРОИТЕЛЬСТВО

Отдел капитального строительства Министерства связи успешно приступил к строительству воздушных замков. Такого типа постройка воздвигнута недавно по инициативе и при ближайшем участии заместителя начальника отдела капитального строительства тов. Алеева.

За его подписью 21 августа дано было указание киевскому тресту «Связьпроект» представить не позднее 31 августа проект дома связи в Пятигорске.

Ввиду большой срочности это распоряжение было направлено не телеграфом, а почтой и прибыло в Киев 28 августа.

Таким образом, за четыре дня (с 28-го по 31-е) нужно было проделать следующее: послать проектировщика в Пятигорск, произвести там необходимые изыскания, вернуться в Киев, составить проект, оформить его и отправить в Москву на утверждение.

Типичный воздушный замок, не правда ли?

КЛАССНЫЙ ПРОКУРОР

Старушка Башкирова, Екатерина Михайловна, имела неосторожность послать жалобу прокурору Бемыжского района, Удмуртской АССР, Шкляеву на несвоевременную выплату причитающихся ей по исполнительному листу денег.

Прокурор, видимо, остался весьма недоволен тем, что беспокоят его высокую особу такими пустяками, и разразился следующим гневным ответом:

«Прокуратура на вашу жалобу сообщает, что судисполнителем Сачковым взыскано за 4 месяца в сумме 300 руб. которое через почту выслана вам кроме того Башкирова видимо у вас совершенно делать нечего кроме только писать жалобы и наводить кляузы.

Прокурор Бемыжского р-на Удм. АССР Юрист I го класса Шкляев».

Не желая, по образному выражению Шкляева, «наводить кляузы», отметим всё же, что Шкляев не отличается особой вежливостью в обращении с жалобщиками, а кроме того: любой школьник первого класса куда грамотнее этого юриста первого класса.

ПРЕСТУПЛЕНИЕ И «НАКАЗАНИЕ»

Унтер-офицерша из «Ревизора», высеченная городничим, требовала от Хлестакова, чтобы он повелел городничему заплатить ей за это:

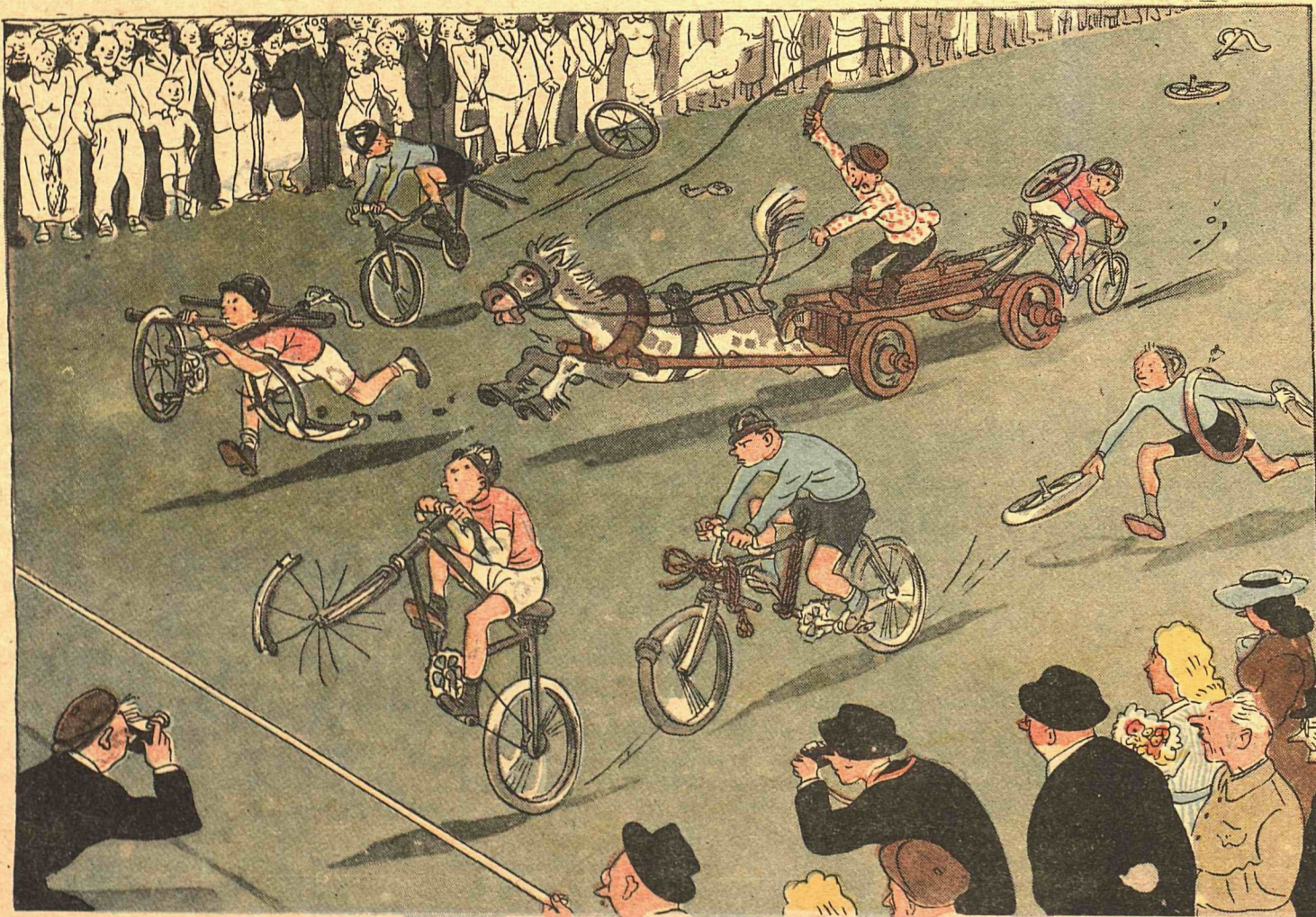
«Мне от своего счастья неча отказываться, а деньги бы мне теперь очень пригодились!»

Унтер-офицерше, как известно, не повезло... А вот начальник ЖКО Московского завода счётных и пишущих машин Денисов тот действительно от своего счастья не отказался.

Денисова оштрафовали на 350 руб. за невывоз мусора с заводского двора. Денисов обратился к директору завода Хренову с просьбой оказать ему материальную помощь на покрытие этого расхода. И директор выдал Денисову премию в 600 руб. за уборку двора.

Мы оглашаем этот факт не для того, чтобы все начальники ЖКО приступили к срочному замусориванию дворов. Мы лишь хотим предупредить кого следует, чтобы с директора не удерживали 600 руб., выданных им Денисову... А то, пожалуй, и директор не пожелает «отказаться от своего счастья» и получит «материальную помощь».

Рис. И. СЕМЕНОВА

Финиш испытательного пробега на велосипедах Харьковского и Пензенского заводов.

ТИШЕ ЕДЕШЬ...

Когда жители города Орска или Кандагач слышат шутиливую поговорку «Тише едешь, дальше будешь от того места, куда едешь», то они всегда говорят:

— Это про нашу железнодорожную ветку! Тем, кто никуда не торопится, ездить по этой дороге — одно удовольствие. Самое главное — ехать всегда весело, потому что происшествий хоть отбавляй.

Вот, например, как я ехал с поездом № 2833. В Кандагач он пришёл в срок. По расписанию волагалось ему стоять два часа, а он простоял больше суток. Несколько часов уговаривала поездная бригада машиниста тов. Антонова поехать к составу паровоз. Сначала тов. Антонов наотрез отказал:

— Не поеду. Я продукты на дорогу не получил, потому что начальника дело Вакречко на месте нет.

— А где он?
— На рыбалку уехал.
— Когда он вернется?
— Срок с ним.

Такой разговор шёл несколько часов. Наконец тов. Антонов согласился ехать. От Кандагача до станции Никельтау — 136 километров. Это расстояние наш экспресс пролетел за ... двое суток. Но это ещё предельная скорость. Очевидцы рассказывают, что однажды поезд, в котором ехал по этой ветке начальник Оренбургской дороги тов. Сорокин, до того тихо шёл, что тов. Сорокин не выдержал и пошёл пешком.

И поделом. Сам виноват, что довёл ветку до такого состояния. А вот пассажиров жаль, да и грузы очень медленно к нам идут.

Н. ФЕДОТОВ,
секретарь горкома КП(б) Казахстана
гор. Степняк,
Акмолинской области.

НА КОЛЕНЯХ

Рабочий автомобильного завода имени Сталина тов. Н. Н. Иванов жалуется Крокодилу:

«На станции Калинин, Павелецкой ж. д., низкие платформы переделаны на высокие, а кассы оставлены на прежнем месте, и теперь уровень окошка кассы всего на 20 см выше уровня платформы. Чтобы получить билет, пассажиру приходится стать на колени или согнуться в три погибели».

Что тут сказать? Вероятно, управление дороги полагает, что «с пассажиром иначе шельзя». Сегодня ты дашь ему удобную кассу, а завтра он потребует и ещё каких-нибудь удобств, и вежливого обращения, и чистоты в вагонах... Известно, какой это народ!

ЧУДЕСА ФОТОГРАФИИ

Большое и полезное дело делают сотрудники газеты «Советская Киргизия». Они разрешили проблему, как без особых затрат можно благоустроить город. Был, например, в городе Фрунзе, в саду имени Панфилова, котлован, заполненный грязной жижей. На поверхности плавал мусор. Жители Фрунзе вслух выражали своё возмущение органами здравоохранения, которые никак не решались ликвидировать этот рассадник заболеваний.

И вдруг, в один прекрасный день, точнее 29 июня, жители города были приятно поражены: точно по мановению волшебной палочки котлован в саду имени Панфилова преобразился в чистенькую, приятную детскую площадку. В газете «Советская Киргизия» было помещено фото. Что на этом фото изображено, разобрать трудно. Но подпись разъясняет загадочную картинку:

«Каждый день много детей собирается в сад имени Панфилова. Там можно искупаться, погулять и поиграть в холодке. На снимке: дети дача № 11 на прогулке в саду имени Панфилова в городе Фрунзе».

Позволительно спросить: когда же редакция «Советской Киргизии» поместит прекрасно исполненный фотопортрет своих сотрудников, добившихся таких замечательных успехов в благоустройстве города?

Дорогой Крокодил

(ПИСЬМА ЧИТАТЕЛЕЙ)

Дорогой Крокодил!

С детских лет мы, взрослые, запомнили крыловские строки:

«Вороне где-то бог послал кусочек сыру...»
«На ель ворона взгромоздись...»

Нашим детям и внукам с лёгкой руки редактора Московского зоопарка Е. Костроминой придётся по-новому произносить название этой популярной птицы.

В выпущенной Зоопарком книжке для детей «Ворона и ворон» мы читаем: «Ворона — всеядная птица», «Курам тоже от ворон достаётся», «Ворона тут же опустилась», «Ворон и ворона — разные птицы...»

Будем надеяться, что Московский зоопарк станет применять новое ударение в ударном порядке и скоро выпустит книжки для ребят о хитрой лисице и козолопом медведе.

Ударять так ударять!

А. ЯХОНТОВ,
профессор,
член-корреспондент Академии наук
Москва.

Уважаемый Крокодил!

Ответь, пожалуйста: можно ли расходовать профсоюзные средства на покупку семечек? Дело в том, что Новосибирский обком профсоюза работников государственных учреждений разрешил ирменскому районному комитету израсходовать в 1947 году на культурное обслуживание членов профсоюза... десять рублей.

Долго думали ирменцы, куда девать этот капитал. На банкет нехватает, на экскурсию тоже маловато. И решили купить два стакана семечек. Купили, а теперь и не знают, как об этом в отчёте указать, в какую графу отнести этот расход.

А. АНКУДИНОВ,
секретарь райкома ВЛКСМ
с. В. Ирмень.

Дорогой Крокодил!

Каюсь, во всём виноват я один. Дёрнула меня нелёгкая в недобрый час пожаловаться на безобразное поведение проводников поезда Смоленск — Мичуринск, в котором я ехал! С этого всё и началось. Жалоба попала к помощнику начальника 2-го пассажирского отделения Московско-Рязанской железной дороги по кадрам тов. Николаевой.

Будучи, очевидно, по природе женщиной любопытной, она, получив жалобу, буквально забросала меня вопросами:

«Укажите станцию назначения, куда вы ехали? Количество вашего багажа и его упаковка? Какое место в вагоне занимали вы? Чем освещался состав поезда: свечами или электричеством?» И т. д.

Затем Николаева обрушивает на мою бедную голову уже тяжкое обвинение:

«...Почему вы на протяжении нескольких часов езды наблюдали за преступными действиями со стороны проводников: взятки, продажа свечей, погрузка лишнего багажа, за что получали деньги с пассажиров, и не приняли ника-

Рис. А. БАЖЕНОВА

— Иван Петрович, вижу, многостаночником стал: с двух телефонов перешёл на четыре.

ких мер... для того, чтобы на месте пресечь безобразия...»

Поцадите, тов. Николаева! Не губите молодую жизнь! Даю слово больше никогда не жаловаться.

И. БЫКОВ,
капитан

гор. Чкалов.

Товарищ Крокодил!

Ты там поближе к Министерству юстиции; воздействуй на него, пусть оно, наконец, отменит инициативу озерского судьи тов. Лобанова.

В редакцию районной газеты поступила заметка рабкора тов. Рубцовой о грубом обращении с посетителями секретаря суда Янышевой. Заметку переслали судье. Ты думаешь, он взгрозил грубиянку? Ничего подобного! Судья вызвал к себе автора заметки. Мы не знаем, какие меры воздействия — нажима и запугивания — применял он, но результатом визита было препровождённое в редакцию обязательство Рубцовой:

«Я хотела написать заметку о поведении секретаря т. Янышевой. Даю обязательство, что писать не буду, Рубцова».

Работа судебного аппарата после этого случая заметно улучшилась: по крайней мере, в газету больше жалоб не поступало.

И. НОВОСИЛЬЦЕВ
Озерки, Московской области.

КРОКОДИЛ ПОМОГ

● Заведующий Белогорской электростанцией тов. Назаров, используя своё служебное положение, пустил электрический ток в проволочное ограждение вокруг своего индивидуального огорода. Об этом в Крокодиле № 19 был напечатан фельетон. Исполком Белогорского райсовета, Крымской области, признал фельетон правильным. Тов. Назаров объявлен строгий выговор с предупреждением.

● В Крокодиле № 19 была опубликована заметка «Вместо рецензии» о руководителях Костромского пивоваренного завода, которые по частным запискам разбазарили пива на 21 тысячу рублей. Заметка подтвердилась. Директор завода Малков и начальник отдела кадров Губский сняты с работы.

Редактор — Г. РЫКЛИН. Редакционная коллегия: Д. ЗАСЛАВСКИЙ, В. КАТАЕВ, КУКРЫНИКСЫ (М. КУПРИЯНОВ, П. КРЫЛОВ, Н. СОКОЛОВ), С. ШВЕЦОВ.

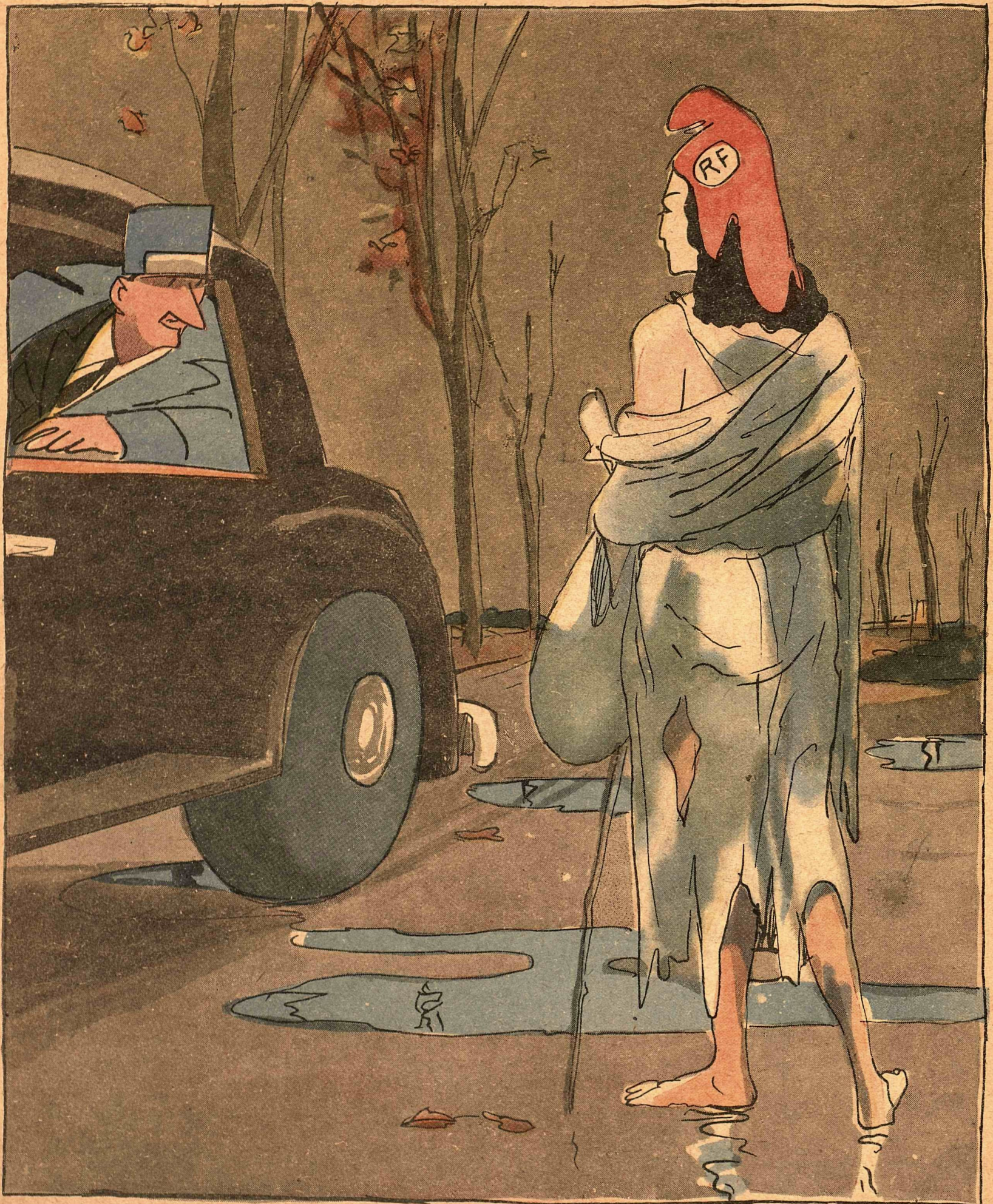
Адрес ред.: Москва, 40, Ленинградское шоссе, ул. «Правды», 24, тел. Д 3-32-50, Д 3-33-47. Приём ежедневно с 1 до 5 часов. Подписная цена на журнал — 3 руб. 20 коп. в месяц

Изд-во «Правда»

Москва. Изд. № 653. Подп. к печати 12/IX 1947 г. Статформат 72x105 см. Печ. л. 1½. Кол. экз. в 1 печ. л. 78 000.

А — 08249. Типография газеты «Правда» имени Сталина. Москва, ул. «Правды», 24. Тираж 150.000 экз. Заказ № 76.

Рис. Л. БРОДАТЫ

ДЕ ГОЛЛЬ: — Садитесь, мадам, подвезу.
ФРАНЦИЯ: — Нам с вами не по пути, мсье! Вы едете направо!